

седателем Социалистического Интернационала В. Брандтом Генеральный Секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, — «эта дата вновь со всей остротой напомнила о значении безотлагательного решения острого вопроса — обеспечения безопасности для народов нашего континента. Задача эта тем более актуальна, что в мире, — в том числе и в ФРГ есть силы, которые не сделали должных выводов из уроков минувшей войны»³.

¹ См.: В. Пик. Отчет о деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. — М., 1935, с. 72.

² Г. Димитров. Избранные произведения. — София, 1967, т. 1, с. 605.

³ Правда, 1985, 28 мая.

Э. М. ЗАГОРУЛЬСКИЙ

ОБ ОДНОМ ПОЛОЦКОМ СЮЖЕТЕ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Слово о полку-Игоре», 800-летие которого отмечает весь культурный мир, может рассматриваться не только как литературное произведение, но и как ценнейший исторический источник, в котором необыкновенно точно, сжато и образно выражена суть актуальных проблем своего времени. В поэме отмечаются и такие исторические факты, о которых ничего не известно из других источников или благодаря которым можно уточнить или объяснить события, упомянутые в других документах. Для историков Белоруссии, страдающих от недостатка письменных данных, большую ценность представляют те сюжеты в «Слове», которые связаны с историей западных земель Руси. Полоцкому княжеству автор «Слова» отвел почти десятую часть объема поэмы. Он обнаруживает прекрасную осведомленность в полоцких делах и полоцкой истории. Подобно тому, как южнорусские земли Руси столкнулись с угрозой со стороны половцев, западные земли Руси столкнулись с угрозой со стороны усилившихся литовских племен. Ситуацию, в которой оказалось Полоцкое княжество, автор образно выразил следующими словами: «Двина болотом течет для тех грозных полочан под кликом поганых». Слово «болото» символизировало печаль или образ войны¹. К середине XII века в Полоцкой земле, как и в остальной Руси, во всю силу проявил себя процесс феодального раздробления со всеми его отрицательными последствиями. Удельные князья воевали друг с другом, нередко прибегая к помощи «литвы». Эти «крамолы», наводившие «поганых» «на землю Русскую, на достояние Всеславо»², побудили автора «Слова» обратиться к полоцким князьям, которые «выпали... из дедовской славы» своего знаменитого предка Всеслава Вячиславича. Их антипатриотической политике он противопоставляет одиночное выступление против литовцев некоего Изяслава Васильковича: «Один Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шелома литовские, прибавил к славе деда своего Всеслава, а сам под багрянными щитами на кровавой траве был побит литовскими мечами... Дружину твою, князь, птицы крыльями придели, а звери кровь полизали. Не было тут ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода; один изронил он жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городенские». Такими печально вдохновенными словами поведал автор поэмы об одном из событий, связанных с борьбой полоцких князей против литовских племен. Нельзя не восхищаться неповторимой образностью слога! Однако в данном случае нас интересует историческое содержание отрывка. Дело в том, что в русских летописях ничего не говорится о существовании Изяслава Васильковича и тем более — о его борьбе с литовцами. О каком событии, следовательно, идет речь? Было ли оно на самом деле и когда происходило? Можно ли найти место Изяслава Васильковича в генеалогии полоцких князей? Короче, в какой мере сведения, содержащиеся в отрывке, соответствуют исторической правде? Не был ли сюжет придуман автором «Слова» как особый литературный прием? Не включил ли он в свою поэму рыцарскую песню?

В некоторых комментариях к «Слову» и исторической литературе Изяслава называют неизвестным по летописи князем из Гродно на Немане³. В качестве доказательства обычно ссылаются на фразу о «городенских трубах», трубивших по поводу гибели князя. Правомерность такого

предположения вытекала также из того, что Гродно как город был известен уже с 1127 года, а, судя по археологическим данным, возник еще раньше (вторая пол. XI века). Однако такое предположение едва ли верно. Известно, что Гродно никогда не принадлежал полоцким князьям. Упомянутые в летописях гродненские князья Всеволод Давыдович и его сын Борис (упомянут под 1150 годом) происходили из династии вольнских князей Игоревичей. Среди них не было князя по имени Василько, который мог бы быть отцом Изяслава. Между тем, «Слово» прямо называет Изяслава Васильковича потомком полоцкого князя Всеслава. Следовательно, логичней искать его среди полоцких Всеславичей, тем более известно, что среди полоцких городов летопись называет Городец (1158 год)⁴.

Именно поэтому большинство исследователей склонны считать Изяслава неизвестным по летописи сыном полоцкого князя Василька Святославича, у которого, судя по летописным данным, было три сына и дочь. Сыновей звали Всеслав, Брячислав, Володарь. Примечательно, что и в «Слове» упомянут один из братьев Изяслава под именем Брячислав. Но «Слово» называет еще одного брата — Всеволода, о котором ничего не говорят летописи. Н. К. Гудзий предполагает, что переписчики «Слова» перепутали имена и вместо «Всеслава» написали «Всеволод»⁵. Д. Е. Данилевич и В. И. Стеллецкий считают, что один из сыновей Василька — Володарь мог иметь второе имя Всеволод⁶. В таком случае все становится как будто на свои места. Однако это только предположения. Расхождения между летописями и «Словом» достаточно очевидны. К тому же известно, что Городец никогда не принадлежал полоцким Васильковичам, а был владением их постоянных противников — минских Глебовичей. Не следует ли поэтому искать Изяслава Васильковича среди потомков минского князя Глеба?

Обратимся к политической ситуации, сложившейся в западных землях Руси во второй половине XII века. Крупнейшее княжество этого региона — Полоцкая земля — фактически распалось на три части. Оформились враждующие группировки Глебовичей, Борисовичей и Святославичей. В удел Глебовичам достался Минск с рядом мелких городов, Борисовичам — Полоцк и Друцк, Святославичам — Витебск. Положение осложнилось тем, что полоцкие династии связали себя родственными путями с двумя самыми большими, враждовавшими между собой русскими лагерями — Ольговичей и Мономаховичей. В 1151 году минскому князю Ростиславу Глебовичу удалось занять полоцкий стол. Минск он передал брату Володарю, сидевшему до этого в Городце. Но в 1158 году Ростислав был вынужден вернуть Полоцк прежнему князю Рогволоду Борисовичу. В 1162 году Володарь Глебович с помощью литовских войск разгромил Рогволода и едва не стал полоцким князем. Однако полочане под давлением враждебной Глебовичам группировки пригласили себе князем витебского Всеслава Васильковича из рода Святославичей, придерживавшегося промономаховской ориентации. В 1167 году смоленские Мономаховичи помогли ему удержаться на полоцком столе, когда он был разбит Володарем.

В междоусобной борьбе трех княжеских линий наибольшего успеха в конце концов добиваются Васильковичи, надолго закрепившиеся в Полоцке, Витебске и некоторых других городах. Им противостояли Глебовичи. Из-за скудности исторических источников почти невозможно разобраться в усложнившейся вотчинной чересполосице владений разросшихся кланов. Например, Изяславль в XII веке считался вотчиной Васильковичей, хотя он находился всего в 20 км от главного города Глебовичей — Минска. С другой стороны, Глебовичи владели уделами, расположенными в гуще владений Васильковичей. Однако Городец, который должен рассматриваться как один из ключей в расшифровке полоцкого сюжета «Слова», известен только как город Глебовичей, а точнее — Володаря Глебовича. Город должен был остаться во владении его рода. Поэтому заманчивой представляется идея поискать Изяслава Васильковича, связанного в «Слове» с каким-то Городенем⁷, среди прямых потомков Володаря Глебовича.

В некоторых родословных таблицах полоцких князей клан Глеба Всеславича кончается на трех его сыновьях (Ростислав, Володарь, Всеволод) и одним внуке (Глеб Ростиславович)⁸. Но нет никакой уверенности, что это было так. Из-за утраты полоцких летописей события 60-х — 70-х годов XII века, происходившие в этом регионе, почти не получили освещения в источниках. Поэтому к имеющимся генеалогическим таблицам сле-

дует подходить с осторожностью. Расширить родословную династии Глебовичей, на наш взгляд, позволяют летописные известия 80-х годов XII века.

В 1180 году шесть князей из Полоцкой земли в союзе с черниговским князем Ярославом, новгород-северским Игорем (будущий герой «Слова»), киевским Святославом и отрядами литовцев и половцев участвовали в походе против смоленского князя и целую неделю простояли с войском под Друцком, где сидел смоленский союзник Глеб Рогволодович. Среди полоцких князей, наряду с Васильковичами, называется Андрей Володшич с «сыновцем» Изяславом (!). Термином «сыновец» в Древней Руси обозначали племянника по брату. Значит у Андрея был брат, тоже Володшич, отец Изяслава. Под 1186 годом летопись упоминает еще одного «Володшича» — логойского князя Василька Володарича⁹, выступившего против полоцкого князя, А. В. Алексеев связывает его с династией Глебовичей¹⁰. Очень может быть, что Василько Володарич был сыном Володаря Глебовича и доводился родным братом Андрею Володшичу. В таком случае «сыновец» Андрея Изяслав мог быть сыном Василька Володшича и иметь полное имя — Изяслав Василькович! Заметим, что в записи 1180 года Изяслав не назван князем, он только «сыновец» Андрея. Очевидно, он был еще очень молод и не имел собственного княжения. Интересно, также, что в кампании 1180 года не участвовал Василько Володарич. Вместо себя он, вероятно, послал юного княжича Изяслава, поручив опеку над ним брату Андрею. Очень может быть, что Изяслав 1180 года и Изяслав Василькович «Слова о полку Игореве» — одно и то же лицо. Будучи из рода Володаря Глебовича, он после 1180 года получил в удел родовой город Володарей Городец, но вскоре погиб в бою с литовцами. После 1180 года летопись больше не упоминает имени Изяслава. В 1185—1186 годах, когда создавалось «Слово», его уже не было в живых. Память о мужественном князе еще была свежа и нашла сочувственный отклик в сердце автора «Слова». Не исключено, что автор поэмы сопровождал в походе 1180 года киевского князя Святослава и встречался с Изяславом под Друцком. Отсюда — особая теплота и проникновенность отрывка. Сюжет о трагической гибели Изяслава Васильковича в бою с литовскими полками он включил в свою героическую песнь, поскольку это соответствовало цели и замыслу поэмы, осуждавшей разрозненные выступления князей и звавшей их к единению.

¹ См.: примечания Н. К. Гудзия к «Слову о полку Игореве» в кн.: «Слово о полку Игореве». М., 1955, с. 78.

² Эта и последующие цитаты из «Слова» приведены по указанному изданию с некоторыми изменениями в переводе, сделанными автором. См.: с. 42—43.

³ См.: Воронин Н. Н. На берегах Клязьмы и Немана. В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь.— М., 1953, с. 273.

⁴ В «Хронике Быховца» Городец назван также Городенем. См.: Хроника Быховца.— М., 1966, с. 37, 38.

⁵ См.: примечания к «Слову» Н. К. Гудзия, с. 78.

⁶ См.: Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. Сост., вступит. статья, подготовка древнерусского текста и коммент. В. И. Стеллецкого.— М., 1981, с. 270.

⁷ К сожалению идентифицировать летописный Городень-Городец с каким-либо современным населенным пунктом пока не удается.

⁸ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1959, кн. 1, с. 741.

⁹ Володарь, Володша, Владимир — синонимы.

¹⁰ См.: Алексеев Л. В. Полоцкая земля.— М., 1966, с. 282.